

Проф. С. И. Ковалев
АЛЕКСАНДР И КЛИТ

Стремление заглушевать классовую борьбу и смазывать политические противоречия вообще типично для современной буржуазной историографии. Но нигде, быть может, эта тенденция не выступает так ясно, как в истории Александра Македонского. Образ этого последнего идеализируется обычно с определенной целью прикриты его фигурой возделения империалистической буржуазии. Но для такой идеализации необходимо прежде всего устранить всякие элементы политической борьбы, связанной с Александром, изобразив ее, в лучшем случае, в виде личных конфликтов.

Разоблачая эти тенденции, советские историки должны не только показать подлинный, неприукрашенный образ македонского завоевателя, но и выяснить ту сложную социальную борьбу, которая происходила в греко-македонской армии и была одной из важнейших движущих сил завоевания Востока.

Убийство Александром Македонским Клита было дальнейшим развитием тех противоречий среди македонской знати, которые возникли в первые годы восточного похода и нашли наиболее яркое выражение в заговоре Димна, в казни Филоты и убийстве Пармениона¹. Клит принадлежал скорее к старому, филипповскому, поколению полководцев Александра. Правда, Сенека говорит (*De ira*, III, 17, 1), что он воспитывался вместе с Александром («qui Clitum carissimum sibi et una educatum inter epulas transfigit manu quidam sua»), следовательно, был его сверстником, но это известие не подтверждается другими источниками. Напротив, Юстин (XII, 6, 3) прямо относит Клита к старшему поколению («itaque cum unus e senibus, Clitos...»). Курций (VIII, I, 20) называет его «vetus Philippi miles, multisque bellicis operibus clarus». Сестра Клита Ланика была кормилицей Александра (*Agr.*, IV, 9, 3; *Curt.*, VIII, I, 24; *Iust.*, XII, 6, 10). Все это заставляет думать, что он был значительно старше царя. Среди полководцев Клит занимал одно из первых мест. В битве при Гавгамеле он командовал «парской илой» конницы этеров (*Agr.*, III, 11, 8; *Diod.*, XVII, 57, 1; *Curt.*, IV, 13, 26). После смерти Филоты Клиту вместе с Гефестионом было поручено командование всей конницей этеров (*Agr.*, III, 27, 4). Но Клита связывали с Александром и чисто личные отношения. При Гранике он спас царя, которому

¹ С. И. Ковалев, Александр, Филота и Парменион. «Ученые записки ЛГУ. Серия историч. наук», вып. 14, 1949, стр. 280 сл.

грозила смертельная опасность (A r g., I, 15, 8; P l u t., Al., XVI; D i o d. XVII, 20, 6—7; C u r t., VIII, I, 20). Глубокое горе, которое испытал Александр после убийства Клита, засвидетельствованное всеми источниками, лучше всего говорит о близости, существовавшей между царем и Клилом.

Последовательное и подробное изложение событий, связанных с убийством Клита, мы находим у Арриана (IV, 8—9, 8), Плутарха (Al., L—LII), Курция (VIII, 1, 19—2, 12) и Юстия (XII, 6)¹. В противоположность делу Филоты эпизод с Клилом легко может быть восстановлен в основных чертах.

Дело происходит летом 328 г. в Маракандах (Самарканде). В праздничный день Александр давал пир своим приближенным². Когда гости были уже сильно навеселе, молодежь стала распевать насмешливое стихотворение Праниха (или, по другим сведениям, Пиериона), сочиненное по поводу поражения, незадолго до этого нанесенного партизанами некоторым из стратегов³. Старшие македоняне были оскорблены насмешкой, тогда как Александр, вместе с группой своих ближайших друзей, слушал пение с удовольствием. Клит, отличающийся вспыльчивым и несдержанным характером, в состоянии опьянения совершенно вышел из себя и начал говорить Александру дерзости. В его возбужденных словах ясно проступают два момента, правда, не одинаково подчеркнутые нашими источниками: 1) негодование по поводу того, что персам оказывают предпочтение перед македонянами⁴, и 2) восхваление Филиппа и его времени по сравнению с настоящим⁵. Но оба эти момента внутренние настолько тесно связаны друг с другом, что, несомненно, оба они были налицо в речи Клита. Перебранка дошла до того, что Александр стал упрекать Клита в трусости, а этот последний напомнил ему о Гранике. Возмущенный Александр воскликнул: «Негодий, неужели ты думаешь, что будешь торжествовать, всякий раз говоря обо мне такие вещи и вооружая против меня македонян? (Ἔν ταῦτα, εἶπεν, ὃ κακῆ κεφαλῆ, σὺ περὶ ἡμῶν ἐκάστοτε λέγων καὶ διαστασιάζων Μακεδόνας χαίρῃσεν νομίζεις;)⁶ Но Клит не унимался. Поднялся страшный шум. Александр швырнул в Клита яблоком⁷ и стал искать свой нож. Но его успел унести один из телохранителей. Друзья Александра умоляли его успокоиться, но Александр вскочил и приказал трубить тревогу. Его не послушались, а Клит тем временем был силою уведен с пира. Однако он тотчас же вернулся через другие двери и стал вызывающе декламировать стихи из «Андромахи» Эври-

¹ Также S e n e c. De ira, III, 17, I. Соответствующее место XVII кн. Д и о д о р а не дошло. Сохранилось только краткое упоминание об инциденте в оглавлении XVII кн.: περὶ τῆς εἰς τὸν Διονύσιον ἀμαρτίας καὶ τῆς παρὰ τὸν πότον ἀναρεστῶς Κλείτου.

² Известие К у р ц и я (VIII, 1, 19, 22, 35), что пир был устроен по поводу назначения Клита правителем Согдианы, накануне его отправки к месту новой службы, не подтверждается другими источниками, хотя само по себе это известие довольно правдоподобно.

³ Именно этот повод к ссоре называет Плутарх. Повод сам по себе правдоподобен и хорошо увязывается со всей массой смежного исторического материала. Вообще рассказ Плутарха об инциденте в основной своей части выгодно отличается от сообщений других историков. Он прост, ясен и изобилует рядом характерных деталей, которые вряд ли могли быть выдуманы.

⁴ Этот момент сильнее выступает у Плутарха.

⁵ Сильнее у Арриана, Курция и Юстия.

⁶ P l u t., II. Это важное место косвенно подтверждает А р р и а н (IV, 8,4), говоря, что «Клит уже давно негодовал на Александра за перемену в сторону персидских обычаев».

⁷ P l u t., II. Из слов Плутарха ясно, что Александр уже в эту минуту дошел до крайней степени раздражения.

пида: Οἱ μοι, καθ' Ἑλλάδ' ὡς κακῶς νομίζεται¹. Тогда Александр выхватил копьё у одного из часовых и пронзил им Клита².

Мгновенно ярость Александра прошла. Его отчаяние было так велико, что он как будто даже хотел покончить жизнь самоубийством³, но был остановлен окружающими. Несколькими днями царь провел без пищи и питья в своих покоях, предаваясь глубокому раскаянию. Наконец, угрозы приближенных, старавшихся изобразить все дело как следствие гнева богов⁴, и особенно речи философа Анаксарха, выступившего в качестве защитника абсолютной воли монарха, стоящей выше закона⁵, заставили Александра вернуться к текущим делам.

В буржуазной историографии существует сильная тенденция изобразить эпизод с Клитом как чисто личный конфликт, не имеющий никакого политического значения. Что личный момент играл здесь довольно значительную роль, гораздо больше, чем в деле Филоты и Пармениона, является, конечно, совершенно бесспорным. Но личная форма конфликта ни в коей мере не может скрыть его глубокой политической сущности. Главным аргументом, который выдвигают противники политического характера конфликта, является следующее соображение. У царя с Клитом до самого момента столкновения были прекрасные отношения, что доказывается 1) назначением Клита наместником на место Артабаза и 2) искренним горем Александра после убийства. Следовательно, Клит не был представителем политической оппозиции, его убийство произошло в состоянии запальчивости, было абсолютно непредумышленным.

Однако оба эти доказательства отнюдь не имеют той силы, которую им желают приписать. Во-первых, о назначении Клита наместником Согдианы рассказывает только Курций. Но, даже допуская достоверность его сообщения, мы не можем считать этот факт доказательством хороших отношений между Клитом и Александром. Ведь оставил же царь Пармениона в Мидии, дав ему ответственнейшее поручение, несмотря на несомненное охлаждение, существовавшее в это время между ними. Скорее наоборот: если Клит принадлежал к оппозиции, то назначение его наместником одной из отдаленных провинций было лучшим средством избавиться от его влияния в действующей армии (так же как в свое время назначение Пармениона преследовало, по всей вероятности, аналогичные цели). Только в том случае, если бы отношения были особенно плохими, назначение Клита сатрапом в Бактрию было бы мало понятно. Но у нас нет оснований утверждать, что до рокового столкновения между царем и его старшим товарищем произошел открытый разрыв. Этого, конечно, не было, и искреннее отчаяние Александра служит тому лучшим доказательством.

Нужно представить себе ясно всю обстановку и психологию Александра, чтобы понять, что даже при допущении значительного охлаждения, возникшего между бывшими друзьями за последние годы, Александр должен был чувствовать себя чрезвычайно тяжело. На пиру, в пьяном гнев, он убил собственной рукой человека, некогда бывшего его близким другом, своего спасителя, брата своей кормилицы, которую царь, повиди-

¹ P l u t., II. Аристобул (A r r., IV, 8, 9) не говорит о стихах, но едва ли его рассказ был точен.

² Вариант Курция (VIII, 1, 49—52), согласно которому Александр выбежал из комнаты и в вестибюле подстерег выходящего Клита, абсолютно неправдоподобен и является продуктом враждебной к Александру тенденции, для которой нужно было устранить всякие смягчающие вину Александра обстоятельства.

³ P l u t., II; C u r t., VIII, 2, 4; I u s t., XII, 6, 8; Арриан (IV, 9, 2) замечает, что «большинство писателей» не говорит о попытке самоубийства.

⁴ A r r., IV, 9, 5; ср. 8, 1—2; D i o d., XVII, argument.; P l u t., LII, ср. L.

⁵ A r r., IV, 9, 7—8. Также у Плутарха (LII).

мому, очень любил, тем более, что Клит не был виновен ни в заговоре, ни в открытом противодействии, разделяя лишь оппозиционные настроения, что проявлялось у него в резкой и грубой форме. Естественно, что паря охватило глубокое раскаяние, граничащее с отчаянием, с попыткой (вряд ли серьезной!) покончить жизнь самоубийством. Что Клит и до рокового столкновения неоднократно выражал свое недовольство новой политикой Александра, об этом говорят, как мы видели выше, и Плутарх и Арриан¹. Не верить им мы не имеем оснований. Правда, в других источниках мы не найдем никаких следов недоразумений между Александром и Клитом до столкновения. Наоборот, там особенно подчеркивается их дружба². Но как раз эта группа источников в данном случае очень ненадежна. Любовь к драматическим эффектам и враждебно-тенденциозное настроение³ легко могли заставить их, сознательно или бессознательно, изобразить отношения между царем и Клитом гораздо лучшими, чем они были в действительности.

Исторически дело обстояло, по всей вероятности, следующим образом. Клит принадлежал к той группе знати, которая была недовольна продвижением на восток, внутренней политикой Александра и пр. Но личные отношения с царем удерживали его от сколько-нибудь активных выступлений. Смерть Филоты и особенно Пармениона усилила оппозиционное настроение всей филипповской группы⁴, а вместе с ней и Клита⁵. Однако это настроение не было настолько сильным, чтобы помешать Александру после казни Филоты назначить Клита, вместе с Гефестионом, начальником конницы. Но в дальнейшем несогласие Клита с тем направлением, которое все больше и больше принимала политика Александра, заставляло его выражать свое недовольство в резких выходках, создавших значительное охлаждение между ним и Александром. Если справедливо известно, что царь назначил его наместником в Согдиану, то это назначение, несомненно, являлось удобным способом отделаться от становившегося неприятным и даже опасным другом. На пиру пьяный Клит, быть может, особенно раздраженный предстоящим отправлением в почетную ссылку⁶, высказал в чрезвычайно резкой форме все то, что накопилось у него на душе. Александр, также не владевший собой в полной мере, к тому же сильно изнервничавшийся за последние два года, окруженный враждебной атмосферой, всюду подозревавший козни и заговоры, потерял всякое равновесие и, не помня себя, ударил Клита.

Таким образом, конфликт носил личную форму, и смерть Клита была, в известном смысле, случайной. Но отнюдь не случайным было столкновение двух принципов, двух тенденций, двух социальных сил, представителями которых были действующие лица разыгравшейся драмы.

¹ Некоторый намек можно найти также у Курция (VIII, 1, 39) в словах Александра о Клите: *Forsitan eum, si diutius locutus foret, exprobraturum sibi fuisse vitam a semet ipse datam: hoc enim superbe saepe iactasse!* (пожалуй, станет продолжать, начнет упрекать меня за то, что спас мне жизнь; ведь он часто этим хвалится!).

² У Курция (VIII, 1, 24): *Ob has causas validissimam imperii partem fidei eius tutelaeque commisit*; у Юстина (XII, 6, 3): *Itaque cum unus e senibus, Clitus, fiducia amicitiae regiae, cuius palmam tenebat...; amicisque senem et innoxium... dolebat* (ibid., 6, 6); в «Итинерарии»: *Praesertim ubi amicissimum sibi Clitum...*; и в других местах; у Секеки: «... qui Clitum carissimum sibi...»

³ У Курция, впрочем, это настроение далеко не является выдержанным.

⁴ «Поступки Александра, — говорит Плутарх, — навели ужас на большинство его друзей» (XLIX).

⁵ У Курция, VIII, 1, 33, 38, 52, Клит защищает во время ссоры Пармениона. В деле Филоты мы не находим Клита в числе его противников.

⁶ *Sogdianam regionem mihi attribuis, — говорит он Александру, — totiens rebellem et non modo indomitam, sed quae ne subigi quidem possit. Mittor ad feras bestias praecipitia ingenia sortitas* (Curt., VIII, 1, 35).

Гибель Клита отразила, правда, в совершенно иной форме, в иной обстановке, тот же самый социальный конфликт, который за два года перед этим погубил Димна, Филоту и Пармениона.

Как реагировали на смерть Клита окружающие? Во время ссоры часть гостей, особенно из старшего поколения (τῶν δὲ πρεσβυτέρων, P l u t., L: seniores, senes, C u r t., VIII, 1, 23, 27, 31), сочувствовала Клиту...¹ Сомнительно, чтобы таких было большинство. По крайней мере, Юстин (XII, 6, 2) определенно заявляет, что большинство присутствующих поддакивало царю (adsentante maiore convivium parte). Свидетельство Юстина в данном случае особенно ценно, при его резко отрицательном отношении к Александру вообще. В первое время после убийства никаких открытых протестов не последовало. По крайней мере, мы ничего о них не знаем из источников. Но несомненно, что оппозиция в гибели Клита нашла новый стимул для недовольства. Что дело обстояло действительно так, показали дальнейшие события, в частности заговор «пажей». Однако рядовая масса реагировала на смерть Клита еще слабее, чем на гибель Филоты и Пармениона. Юстин (XII, 6. 15—16) рассказывает, что все войско упросило Александра (exercitus universi precibus exoratus est) не огорчаться до такой степени смертью одного человека. По Курцию (VIII, 2, 12), македоняне вынесли даже постановление, что Клит был убит по закону (iure interfectum Clitum Macedones desegnit), и собирались было лишить его погребения. Но сам царь приказал похоронить Клита. Таким образом, и в инциденте с Клитом Александр, по всей вероятности, имел на своей стороне подавляющее большинство македонской пехоты.

¹ Возрастной признак в данном случае отнюдь не следует переоценивать, несмотря на то, что некоторые источники, например Курций, его явно подчеркивают. Немного спустя после смерти Клита именно молодежь организовала заговор против Александра. (См. С. И. Ковалев, Заговор «пажей», ВДИ, 1948, № 1). Линия раздела между сторонниками царя и оппозицией только отчасти совпадает с границей между старым (филипповским) и молодым (александровским) поколениями.